

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Д.В. Селина «Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 07.00.06-Археология

Могильник Старый Сад в Барабе, с момента первых известий о его обнаружении более 30 лет назад, привлекает к себе заинтересованное внимание всех специалистов-«бронзоведов» Западной Сибири. Уже первая, весьма лаконичная (и остававшаяся таковой вплоть до недавнего времени) публикация его материалов (Молодин, Нескоров, 1992) вызвала определенный ажиотаж среди исследователей – настолько выразительно материалы этого могильника и ряда других погребальных комплексов Барабинской лесостепи диссонировали со своего рода местным «монополистом» позднего бронзового века – ирменской культурой, настолько очевидно не вписывались в уже сложившуюся культурно-хронологическую шкалу региона. Это обстоятельство вызвало нестихающую дискуссию относительно происхождения и исторической судьбы этих памятников и оставившего их населения, а сами материалы оказались вовлечены в самые обсуждаемые проблемы заключительных этапов бронзового века не только Обь-Иртышья, но также сопредельных и даже некоторых отдаленных от Западной Сибири регионов. Долгожданное монографическое исследование Старого Сада (Молодин, Мыльников, Селин, Нескоров, 2017), состоявшееся при самом деятельном участии соискателя, в полной мере оправдало ожидания научного сообщества и в плане уровня публикации материала, и в плане эксклюзивности этих материалов для понимания разнообразия и масштабов культурно-исторических процессов, протекавших в лесостепном Обь-Иртышье и в сопредельных регионах в конце эпохи бронзы.

Закономерно, что именно вопросы культурно-хронологической атрибуции этих древностей и необходимость «встраивания» их в существующие культурно-хронологические схемы с одновременной модификацией этих схем, по сути дела, стали главной темой и целью обсуждаемого диссертационного сочинения. Это уже предполагает вполне серьезное и самостоятельное научное исследование, однако, соискатель, как представляется, попытался излишне усложнить себе задачу, декларируя своей основной целью «реконструкцию культурно-исторической ситуации в

Обь-Иртышском междуречье в эпоху поздней бронзы и переходного от бронзового к железному веку времени» (стр. 4). Столь широкая формулировка неизбежно потребовала бы рассмотрения целого спектра проблем, связанных с другими культурами этого времени, оставившими свой след в очерченном регионе, и нерешаемых на материалах, которыми оперирует соискатель. В связи с чем также считаем излишним, и не вполне адекватным содержанию работы, упоминание Прииртышья в названии диссертации. Иначе сразу возникает вопрос – на чем основано вытекающее из этого названия деление пахомовских комплексов долины Иртыша на «правобережные» и «левобережные»? Если автор таким образом намечал западные границы формулируемого им варианта, это должно было быть дополнительно аргументировано.

Как можно судить, главной целью из поставленных соискателем перед собой задач являются обоснование и закрепление за древностями Обь-Иртышского междуречья типа могильников Старый Сад, Гришкина Заимка, и ряда других, как ранее известных, так и открытых в последние годы, статуса локального («восточного») варианта пахомовской культуры, ареал которой исследователи традиционно ограничивали Тоболо-Иртышьем. Следует оговориться что и пахомовская атрибуция некоторых из них, и их генерализация в рамках особого варианта упомянутой культуры уже озвучивалась новосибирскими коллегами в публикациях последних лет, в том числе и самим соискателем. Уже само признание наличия в Барабе андронидных древностей иного генезиса, нежели ирменские, является очевидным новшеством в, казалось бы, устоявшейся культурно-хронологической шкале региона. Учитывая же предлагаемые соискателем (и его старшими коллегами) даты верхней границы барабинских комплексов, атрибутируемых как «пахомовские», революционные потрясения грозят и концепции самой пахомовской культуры.

Следует оговориться, что сам автор диссертации корректно не распространяет своих выводов на всю пахомовскую культуру, увязывая выносимые им на защиту положения о природе, характере и хронологии андронидных древностей Барабы исключительно с характеризуемым «восточным вариантом пахомовской культуры». При этом специфика присущих этому варианту черт и признаков позволяет диссертанту определять его в качестве «особого синкретичного культурного образования», сложившегося на территории Барабы в условиях «взаимодействия с бегазы-дандыбаевскими, ирменскими,

позднеирменскими и сузгунскими популяциями». Но нет ли здесь в таком случае противоречия? С одной стороны, соискатель признает (как представляется – совершенно справедливо) за изучаемым древностями самостоятельный характер, а с другой – стремится, во чтобы то ни стало, увязать это культурное образование с пахомовской культурой Тоболо - Иртышья, имеющей отличный генезис, иные хронологию и направление культурных связей? Вспоминается призыв одного классика XX века, наверняка знакомый старшему поколению - «прежде чем объединяться, и для того чтобы объединиться, мы должны решительно и определенно размежеваться».

Отдаю себе отчет, что вступаю на зыбку почву старого как мир спора «дробителей» и «в-кучу-сгребателей» (Клейн, 1991). Однако, связь с собственно пахомовским культурным комплексом постулируется соискателем на основании довольно выразительного сходства части погребальной посуды барабинских могильников с керамикой памятников Тоболо-Иртышья. При этом аналогии барабинской посуде из погребений пришлось подбирать главным образом в поселенческих сериях пахомовской керамики в связи с дисбалансом источниковых баз обоих регионов, что памятники пахомовской культуры Тоболо-Иртышья. Попутно из этого вытекает невозможность объективно установить тождество или различие погребальных практик андроновидного населения Тоболо-Иртышья и Барабы, поскольку до настоящего времени количество известных погребений конца эпохи бронзы от Тобола до Иртыша (не говоря уже о сохранности), не идет ни в какое сравнение с материалами Барабы. К сожалению, не изменяет ситуацию и единственное пока известное пахомовское поселение Обь-Иртышской лесостепи. На страницах автореферата нет никакой информации, которая позволила хотя бы в общих чертах представить керамический комплекс Ложки-6 и сравнить его с собственно пахомовскими. Точно также остается неясным – находит ли отражение пресловутый культурный синкретизм, так ярко, вроде бы, проступающий в погребальной керамике «восточных пахомовцев», в поселенческих материалах? Однако все эти вопросы пока остаются без ответа. В этой связи вспоминается сентенция одного из официальных оппонентов соискателя, изложенная, кстати, в обобщающей работе по пахомовской культуре, и, как мне кажется в полной мере приложимая к обсуждаемой ситуации – «для реконструкции приближенной к реальной модели необходимо оперировать всем (выделение О.Н. Корочковой – А.П.) комплексом находок... как и где жили носители

изучаемой культуры, какими они пользовались орудиями, оружием и посудой, как вели хозяйство, хоронили своих сородичей, украшали костюмы, доказать неслучайный характер соотношения специфических и общих категорий» (Корочкова, 2010).. осталось лишь добавить в конце процитированного предложения слово «сходства», имея ввиду сравнение специфических и общих черт в «классической» пахомовской культуры и постулируемого соискателем ее «восточного варианта». Однако, это пожелание придется адресовать уже будущим работам соискателя, в случае дальнейшей разработки им обсуждаемой проблемы.

Чтобы подчеркнуть «не местное», «не барабинское» происхождение культуруобразующего комплекса типа Старый Сад, соискатель выводит его из Прииртышья, как результат миграции носителей пахомовской культуры на восток, в лесостепь Об-Иртышского междуречья. При этом диссертант воздерживается (по-крайней мере, на страницах автореферата) от каких-либо предположений или заключений относительно мотивов этого движения, идущего вразрез с общепринятым трендом смещения андронидного массива на север, и направленного вглубь территории не менее масштабного культурного образования – ирменской культуры, которая и сама переживает период активной экспансии.

Между тем – разве Барабинская лесостепь, наряду с Тоболо-Иртышьем, не входила в ареал памятников федоровской (андроновской) культуры? Разве не фиксируется здесь, в Барабе, присутствие комплексов, сопоставимых с памятниками типа Черноозерского-I могильника, которые рассматриваются исследователями в качестве другой (помимо андроновской) основы сложения пахомовских древностей?

И почему тогда не предположить возможность существования к востоку от Иртыша андронидных анклавов, родственных, но непосредственно не связанных происхождением с пахомовскими комплексами Тоболо-Иртышья, продолжающих свою историю в инокультурном окружении (формирующейся или уже сформировавшейся ирменской культуры), вовлеченных во взаимодействие с иными культурными группами, нежели их западные соседи-«пахомовцы». Если бы соискатель поставил вопросы в таком ключе, возможно, из его работы не выпали бы памятники т.н. «ордынского типа» в Приобье, выделенные в свое время еще одним официальным оппонентом нынешнего соискателя (Зах, 1991, 1997), и включенные (наряду с Пахомовской Пристанью) в особый постандроновский горизонт эпохи бронзы лесостепи Западной Сибири,

другим сегодняшним оппонентом (Корочкова, 1987, 2010). И в таком случае, возможно, не ускользнули бы от соискателя знаковая близость ордынских и т.н. «восточнопахомовских» древностей, выражающаяся в сходстве домостроительных традиций, некоторых черт погребальной практики и – в синкретичном характере керамического комплекса, включающего образцы, сопоставимые с пахомовской и еловской керамикой, а также некоей неидентифицированной традицией, вызывающей карасукоидные ассоциации (Зах, 1991). В этой связи уместно обратить внимание и на часть посуды могильника Старый Сад, Гришкиной Заимки, атрибутированную соискателем как бегазы-дандыбаевскую, но которая по своеобразию орнаментальной композиции, характерному набору орнаментальных мотивов (ромбы и треугольники в различных вариантах, использование поясов «сетки» с «шахматным» заполнением ячеек и т.д.) находит аналогии в посуде Еловского-II и I могильников, что, кстати вполне согласуется с широко комментируемой многими исследователями темой «еловско-бегазинских связей». Вызывает сожаление, что конкретно в Старом Саду соискатель усматривает в этом сходстве лишь опосредованную «эпохальную близость», уклоняясь от возможности (или необходимости?) аргументировать свою позицию. Но ведь не случайно для исследователей, работавших с памятниками Тоболо-Иртышья, зачастую именно наличие посуды с «еловскими» (протобегазинскими?) чертами, придает своеобразие керамическим сервизам барабинских комплексов типа Старого Сада, и обуславливают их отличие от собственно пахомовской керамики (Корочкова, Полеводов, Костомаров, Матвеев, Ткачев А.А., Ткачев Ал.Ал.).

Касаясь предлагаемых соискателем временных рамок выделяемого им «восточного варианта пахомовской культуры», считаем, что несмотря на скрупулезную работу автора по формированию узкой хронологии Старого Сада, датировка верхней границы существования этого могильника и других андронидных комплексов Барабы остается проблематичной. Дело касается не только не находящего пока удовлетворительного объяснения разрыва между радиоуглеродными и археологическими датами и ошибочностью распространения самых «верхних дат» на весь комплекс, но и в отсутствии на данный момент убедительных и бесспорных случаев синхронизации т.н. «восточных пахомовских» комплексов с позднеирменскими. В этом ключе показательно отсутствие характерной «восточнопахомовской посуды» в крупнейшем позднеирменском комплексе - городище Чича-I, при наличии, в тоже время, выразительных позднеузгунских серий, отражающих уже

финальную стадию существования андронидных древностей и трансформации андронидной керамической традиции. На этом фоне, по меньшей мере, удивление вызывает очевидная архаичность «пахомовской» посуды Старого Сада, которая, по версии соискателя, продолжает существование в переходное от бронзового века к железному время. В таком случае требует объяснения столь же очевидная близость, едва ли не до тождества материалам Старого Сада керамики Гришкиной Заимки, маркирующей, по мнению диссертанта, ранний этап «восточнопахомовских древностей», на три – четыре столетия отстоящий от Старого Сада. Материалы финальной бронзы лесостепного Прииртышья, в том числе погребальные комплексы (Полеводов А.В., 2018) рисуют нам иную динамику эволюции (трансформации) андронидных традиций, в гораздо большей мере соответствующую схеме, сформулированной О.Н. Корочковой и поддержанной, в основных положениях, другими исследователями (Корочкова, 1987; Стефанова, Стефанов, Корочкова, 1991; Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995, Корочкова, 2010, Труфанов, 1990, Полеводов, 2003, Полеводов, Шерстобитова, 2014, Костомаров, 2010 и др.).

Резюмируя вышеизложенное, готов, вслед за соискателем рассмотреть возможность в будущем размещения описываемых им позднебронзовых комплексов Обь-Иртышской лесостепи типа Старого Сада, Гришкиной Заимки и других в составе пахомовских древностей, но уже более высокого ранга – пахомовской культурно-исторической общности, отражающей разнообразие процессов трансформации (угасания, ассимиляции) андронидных культурных традиций в конце эпохи бронзы на пространстве от Тобола до Приобья.

Таковы, в общих чертах, суждения, замечания и предложения по результатам знакомства с представленным к защите сочинением Д.В. Селина. Несмотря на полемический тон данного отзыва, объяснимый прежде всего вовлеченностью рецензента в обсуждаемую проблематику, не умаляя значения достигнутых соискателем результатов и общего высокого уровня проделанной им работы, которую считаю соответствующей основным квалификационным требованиям диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06-Археология, имеющей научное и научно-практическое значение. Выводы соискателя соответствуют пункту 9 «Положения о присуждении научных степеней», часть из них ранее изложены и представлены на обсуждение научного сообщества в 21 публикации, в т.ч. - 6 статьях в журналах ВАК.

Сохраняющаяся дискуссионность поднятых диссертантом проблем, отраженная в отзыве, обусловлена, во многом, объективными причинами, главная из которых – собственно феномен могильника Старый Сад, уникального памятника, возникшего на стыке временных эпох и культурных ареалов. Благодарю членов Совета и присутствующих коллег за внимание и долготерпение, благодарю диссертанта за любезное предложение ознакомиться с его работой и непредвзято высказать свои оценки и суждения, желаю ему успеха и надеюсь на его дальнейшую плодотворную работу в этом направлении с учетом сделанных замечаний и предложений.

С уважением,
главный специалист отдела государственного
надзора, учета и использования объектов
культурного наследия управления по сохранению
и государственной охране объектов культурного
наследия Министерства культуры Омской области

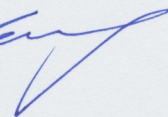
А.В. Полеводов

Полеводов Альберт Викторович, к.и.н, специальность 07.00.06. –
Археология.

Министерство культуры Омской области, 644043, г. Омск, ул. Гагарина, 22.
Тел. (3812)20-06-27

Подпись А.В. Полеводова заверяю.

Начальник управления правовой
и организационно-кадровой работы
Министерства культуры Омской области

Д.А. Чугай

29.11.2018

Согласен на включение в аттестационное дело и дальнейшую обработку моих персональных данных, необходимых для процедуры защиты диссертации (можно вставить ФИО соискателя) исходя из нормативных документов Правительства, Минобрнауки и ВАК, в том числе на размещение их в сети Интернет на сайте ИАЭТ СО РАН, на сайте ВАК, в единой информационной системе.

/Полеводов А.В./

Подпись А.В. Полеводова заверяю.

Начальник управления правовой
и организационно-кадровой работы
Министерства культуры Омской области

Д.А. Чугай